

ОПРАВДАНИЕ ПОЭЗИЕЙ. ПРИНОШЕНИЕ СОНЕТУ

Приступим же к рассуждению, к размышлению о сонете всерьёз и сразу же по существу. Почему – сонет – теперь... отчего именно он и для чего – избран нами. Может ли сонетное стихотворчество, стихотворение в человеке и, куда уже, - сонетная вязь – может ли восполнить собою немощь молитвенного делания, заменить собою непрестанную молитву... и молитву вообще. Может ли поэзия подменить собою молитву и насколько нужно это образотворчество в слове. И если нужно... то почему – сонет?

«Непрестанно – молитесь», - научает верных Апостол (1Фес. 5:17). «...Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За всё благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе. Духа не угашайте...» И заметим в сравнении с церковно-славянским изложением этого стиха: «сія бо ёсть воля Божія о Христі́ Иисусѣ въ васъ». Именно в вас - *внутри вас – есть* воля Божия о Христе». И воля эта внутри – к непрестанной молитве. Мы не пытаемся рассуждать и убеждать себя, а тем паче кого-либо ещё – убеждать в справедливости, целесообразности и спасительной полноте этих слов Апостола – заповеди о непрестанной молитве, как желанном внутреннем императиве духовной жизни в человеке... как пути и соприродном естеству - естественном делании человека. Но причём же здесь поэзия... Ведь не заповедал нам Спаситель, ни Апостол Христов – непрестанно нам писать стихи, выражая себя, выявляя чувствования, формируя мысли, самого себя – реализуя, раскрывая, как словесную, словоносную тварь перед Богом – Словом, предлагая выявляя ленного словом себя - Ему.

Нет и в церковной практике неотъемлемого или рекомендуемого даже – обыкновения – писать стихи, например, ко причащению, в приуготовлении к восприятию, прохождению таинства... в стремительном течении к Богу... во славу свершившегося приобщения ко Христу. Не заповедано нам церковью поэтическое словотворчество, способное, как событийствовать, созвучествовать, так подменить собою, сублимировать или угасить молитвенное делание. Светское стихотворчество как образотворение, если оно отделено от Первообраза – пустотно. Скажем так и не будем в этом высказывании перечить своему мировоззрению. Истинно – пустотно, онтологически опустошено, бессодержательно творчество не занятое образом Бога, как и творчество, занимающееся образом вне Первообраза – пустотно совсем. Но почему же сонет - принят нами?

Естественное свойство человеческой души, жизненных его сил, всего человеческого существа, несущего образ Божий, - уподобляясь Богу Творцу, отпечатлеть себя, улавливая Божественное к себе призывание, обращение... вообразить в Бога свою душу, всего себя, - не на одной ведь душе отпечатлевается Божий образ, но на всём человеке, на всех его составах... естественно и свойственно человеку усиливаться в очищении себя от всего наносного, внеприродного, чуждого Первообразу. Жажда Бога – к восприятию Его воли о человеческой личности, обо мне – лично. Замечательным и, конечно же, не единственным средством к этому очищению – гармонизация себя самого через слово. Гармонизация... - так выскользнуло вполне грубое и чуждое, удалённое от существа смысла – существительное. О какой уж гармонии можно бы помышлять человеку, несущему на себе первородную греховность в смешении с произвольным грехом... зачтому в беззакониях и рождённому во грехе. (Пс. 50). Человеку, исполненному греховностью первородной и произвольной – возможно ли дерзать на изречение словес чистых... вероятно, что милостью Божией и снисхождением Его к нам –

возможно. И к тому – даны нам замечательные примеры, сущие прежде нас. Быть может, в светлые времена, именуемые тёмными веками изнутри, из самых пучин уж воистину хлябей разверженных, не имеющих ни дна, ни предела в отпадении от Господа, ни опор ни на что в этой самостоятельности и самонадеянности падения... ни единой надежды, ни ответа иного упования, кроме Христа, удручённого ношей крестной, Христа, благословляющего мою Русь...

Итак: слово, выражаемое человеком перед Первообразом, слово, творящее образ и жаждущее руководства к этому образотворению, ищущее и алчущее на себя управы... узды, - как стеснения смиряющего и обуздывающего погибельный произвол... узды воспитывающей, вразумляющей, окормляющей... узды, как внешней формы, обще и лично - воспринятого канона... как оформления и ограничения для своего беспредельного самоволия, Богом данной и грехом разнузданной в невоздержанности – свободы... целительных и смиренных вериг на собственное огреховленное естество, волею обстоятельств предоставленное самому себе на неминуемую погибель... узды, как исчерпания отнюдь же не самобытности своей, не личного бытия, но самоволия разрушительного, свободы неограниченной, необузданной, готовой повлечь на себе всего тебя, человека – и размножить о камень Христов... когда – вдребезги этот самоопределяющийся и самодовольствующийся - мозг... и вся душа – вдребезги, да и – прочь от тела своего... а дух в тебе – вон, - что и поминать о том. Расточить, развенчать всё моё естество готова моя неуправленная свобода. Поэзия – восполнит ли хоть бы отчасти полноту молитвы и сосоединит ли разрозненные составы человеческого естества во мне... грешном.

В пределе моление – лишено лишних слов, быть может и вовсе безсловесно, содержит в себе одно только имя Господнее, не превышает краткой фразы молитвы Иисусовой, - не превосходит имени Христова, воспринятого в сердечную утробу, чтобы жить там, имени, процветающего, как живительный и живоносный крин изнутри человеческого естества – вовне... и к Творцу – превыше всего, - к Нему одному... но способны ли мы на это. Способны ли мы, нынешние, – увлечь себя, погрузить свой огреховленный ум, всего себя в Иисусову молитву... и не заменим ли мы её, не подменим ли навывание к молитве, дерзновение к ней - деланием удалённым, внешним и чуждым, когда погружаем себя в делание поэтическое... не в себя ли самих замыкаемся тогда, возделывая слова, нанизывая их гирляндами стихотворений... но есть ли этот фимиам поэзии, возносящийся от нас... воскуриваемый нами на жертвенниках белых листов – некий дух, угодный обонянию Божию, - не ведомо это, но, как средство, некое снадобье неизвестного действия – желанно нам, страдающим своими грехами... ужели неисцельно. Многие – использовано человеком, как средство самовыражения в образотворении, в запечатлении открывшегося, воспринятого и усвоенного... Но чей образ творишь ты сам, давая волю своим чувствам, выпуская на свободу своё красноречие, возделывая в себе некое ритмическое ощущение и отпуская по волнам этих ритмов слова и смыслы, украшенные созвучиями благодатного языка. Увлекаясь этим ритмом, затепленными чувствами, вложенными созвучающими и восходящими словами... - не воздымаемся ли в неведомое и чуждое в евангельскую страну далече, возметаемы «от ветра главы своея». Ветром главы... - откуда навеяно сие... Поэзия – дыхание, вместившее мысль, вложенную в слово, украшенную созвучием согласием звучащего языка... Это ли действительная и истинно – жизнь в нас, отображённая средствами словесности, запечатлевшая себя в благосклонном, благодатном и благозвучающем слове. Но почему – сонет...

Многие годы – пробовал испытывать себя на продолжительность, достаточность, на соразмерность накопленному сердечному избытку, - этого поэтического выдоха, освобождающего... высвобождающего от тяготы душевной, когда накапливаемый внутренний, можно бы сказать, сор, либо потенциал, давящая его полнота и преизбыток – жаждали выплеснуться в поэтическую форму, излиться вовне и оформиться в слове, излиться до исчерпания, пусть временного. Но так - требовалось быть исчерпанной, утолённой некоей накопленной жаждой, которая непременно должна быть выражена и утолена так... должна быть выявлена, должна отделиться от тебя и стать законченным текстом. Текст этот, как правило, выявлялся из тебя единым, часто достаточно продолжительным и мучительным, а порою – лёгким - дыханием... сравним ли этот выдох с рождением новой жизни... с отделением души от человеческого существа, завершившего земное существование... Продолженность этого выдоха вполне определялась и вмещалась в форму семи – девяти катренов... десяти... двенадцати... И далее наступало изнеможение, иссякание, облегчённое и печальное удовлетворение завершением выдохнутой, рождённой поэтической формы... Некое опустошение, связанное с удовлетворённостью, что не завершилось ничем осязаемым, но только изошло прочь... оставив свой дом – пуст. Отстранён порождённый текст, как зверёныш чуждый... смотришь на него со стороны, удивлённо и безразлично, отходя всё далее, отчуждаясь от него.

Не таков – сонет. В обычном стихосложении, как возможно говорить исключительно из личного опыта, совсем не пытаюсь установить неких правил и закономерностей, просто говоря о том, как бывает в известном именно мне случае, - когда следуешь за некоей поэтическим произволом, в котором изводятся слова, нанизываясь на желанные и естественные в тот момент - органичные ритмы, вытекая в продолжение поэтического дыхания, пусть и не называемого так, - душевного чувства, вибрации, разрешающейся словом в продолжении длящегося в этом ритме дыхания. Эти слова – изводятся по мере имеющегося внутреннего потенциала к их изведению, по мере некоей не исчерпанной жажды к выговариванию упругого и уже самобытного слова, составляющего текст. Действительно здесь евангельское изречение «от избытка сердца – глаголят уста» (Мф 12:34). В том лишь вопрос, - чем наполнено это сердце, глаголющее и производящее из себя словеса. Но оставим теперь помышления о составах этого «наполнения» - они за пределами наших нынешних рассуждений и, скорее, относятся к области духовной жизни и душевной воспитанности, к сфере психоанализа, а паче - к исповедальной практике и к духовному окормлению.

Но что делает поэтическая форма самоизъявления - с тобой, производящим органом... оргАном ли, «дудкой Божьей»... просто ли с говорливой тварью, жаждущей выговорить из себя накопленное и воскишащее во глубине неудобовразумительной... Форма, в которую ты хочешь вместить исходящий из тебя поэтический «потенциал» ищущий, жаждущий выхода... так ли стенает и мучается в тебе больная душа, желающая гармонии, раскрытия... ищущая молитвы и ждущая Бога... душа уязвлённая грехом, изнывающая болезнью в неисходности и самозамкнутости своей печали, так похожей на жжение неизбывной каиновой печати на человеческом естестве, не обретающем своего раскаяния...

Ужели одна только сонетная форма и почему именно она – вновь оставим без ответа эти вопрошания самому себе... - оказывается очень вместительной и удобной к вмещению исходящего поэтического слова, ищущего воплощения в текст. Но форма эта

требовательна, чрезвычайно - требовательна к мысли, качеству и чистоте произносимого слова и, что самое, быть может, сложное и важное очень, - к звучанию и способу произнесения слова. Форма требует того, чтобы ты прежде размыслил о ней, принял её прежде, чем дашь волю своему словоизлиянию. Мысли должно главенствовать, не плестись послушно ведомой за чувствованием и порывом речи, за красным словом, - не умаляя его красоты, не выхолащивая поэтичности из поэзии, не иссушая сока из чувств. Мысли должно увенчивать слово и немного предшествовать слову в его воплощении. Слово словно бы остерегается, не желает быть необузданным, совершенно произвольным... и тяготится, измучивается, униженное, смиряемое уздой формы, погоняемое шпорами жестокого наездника своего, безжалостно правящего и прищипывающего волевого – сонета. Натянутые удила правил кроваво разрывают в рот... стальные иглы шпор впиваются во взмыленные бока... - одновременны и немилосердны эти смирилища... узилища сонета к необузданному, к неприрученному, дикому слову... Этому словесному жеребцу, чувственному мустангу возможно ли безопасно доверить драгоценный напутствующий ритм и безбоязненно – выпустить на свободу. Пред словом должно степенно – шествовать поводырю мысли о том, чему должно быть высказанным и как... быть может, вернее высказаться о мысли, как о правящем наезднике слова, - и пусть вновь нелепо это сравнение, - употребим его.

Мысль – формирует структуру сонета, задаёт его внутреннедвижение, его содержание наполнение прежде того, как ты позволишь себе со-чинить слова в поэтическую строку - стих, увязать слова в чинопоследовательность... управлять их чинным шествованием ритмизованной речи. Ты просто – должен, обязан, опутан в этой обязанности – связанности формой... - должен и заставить, и принудить себя от начала речи – понять и внятно для себя самого, искренне перед собою самим – осознать то, что ты намерен теперь сказать, по возможности - внятно выразить сонетом.

Поэтической традицией нам предлагается выверенная структура выразительности - строгая форма сонета, – христианская по своей сути, в итальянском изводе содержит в себе две взаимозависимых, нераздельных части: два катрена и два трёхстишия – терцета, двухчастную, двусоставную мысль... И, вместе с тем, налитый и составленный смыслом, сонет не является некоей рафинированной, кристаллизованной мыслью, насильственно стеснённой, вмещённой в заданную форму. Мысль – усиливается преодолеть стискивающие объятия формы... не погибнуть, не замутниться, не исчезнуть в ней, форма – навязывает себя, вмещающая мысль и требует выжить смыслу. И мысль, оставаясь собою, норовит уничтожить, преодолеть рамки, разорвать стискивающие обязательные и почти невыносимые обличия, объятия формы. Но мысль, структурированная формой, соответствующая правилам её построения, устоявшаяся в жёстких правилах - ещё не сонет... Лишь если не погубят друг друга смысл и выверенное извне заданное и обязательное вместилище смысла, если уживутся они, сохраняя, оберегая, выявляя в этой примирённости дыхание поэзии – лишь тогда выявляется надежда на приближение к сонету.

Переплетённые рифмами – плотно увязаны меж собой два катрена, два четырёхчастных, уже несамостоятельных символа. Словно бы оземлены катрены в четырёх-частности своей внутренней структуры. Но, вместе с тем, действительно ли оземлён катрен числом содержащихся в нём стихов. Очень своевольно, почти хулиганствуя, позволим себе совершенно далёкую аналогию сочленяющихся четырёхчастных структур, в сопряжённых и взаимно пересечённых четырёхугольниках –

знаках Славы Господней иконного изображения Пантократор - Спаса в Силах и Славе на престоле. Очень искусственно, со всеми натяжками... но, извиняя самого себя, - уподобим сонетные катрены – двум четырёхугольникам в знаке иконного изображения Сил Господних. Не проговариваемый словом знак – выявляет на иконе Христа во Славе Его. Нечто подобное, - повторимся с чередой самооправданий... - очень отдалённо – различаем в сплетённых катренах сонета, выявляющих духовную суть в земном естестве слова. Два четырёхстишия "нераздельно и неслиянно" связаны - слиты меж собою общностью ритма, переплетениями рифм отъединяющих внутри целостной структуры сонета катренную его часть, закономерностью устройства части законченного смысла сонета. Сочленённые и переплетающиеся катрены дополняют, будто бы всматриваются друг в друга. Земля, проявляющая собою небесное прообразование, предвозвестие о себе, - не так ли попробуем осознать в структуре сонетной формы эти переплетающиеся, нерасторжимые и взаимно дополняющие катрены в теле сонета.

Неотрывны, несамостоятельны – отъединённые в общей форме терцеты, также связанные с общностью формы единством ритма, заданностью сквозной темы текста... отъединённые в собственную структуру особенностью тугого сплетения рифм. Отметим же очевидное: на шести стихах в терцетах – три объединяющих рифмы, тогда, как в четырёх катренах рифмы всего две, - так поэтической формой уготапливается словно бы дополнительный простор к дыханию, пространство для вдоха внутри катренной части... так суживается, становится более концентрированной, обязывающей, напряжённой, требовательной к особенностям смысла - терцетная часть сонета, выделяемая и формально, наглядно - графически. Трёхстишия связаны меж собою и словно бы приостанавливая, несколько затрудняя внутреннее дыхание формы – увенчивают сонет. Терцетное пространство сонета – отнюдь не видимый «подвал» текста, но его высота, на которую восходит и возводит за собою сонет. Высота, на которую следует восходить мысли автора – прежде создания сонета, прежде выдыхания автором содержимого сердечных своих глубин в принятую стихотворную форму. Образное небо, к которому устремлён человек, желающий и дерзновенно - пытающийся изъяснить в слове накопленный душевный состав... жаждущий разрешиться в этом словесном изъяснении. Самому ли себе... воображаемому слышателю и восприемнику текста... Самому ли Творцу? Слова наши – в уши Господни... едва ли на меньшее нацеливает человека эта кристаллизованная форма к его словам. Так, достоин ли сонетного выявления, запечатлевания в сонете отчаянно-поэтический вопль Микеланджело, звучащий в его переводе: «... напрасно занимался я стихами, зачем болванов каменных плодил...» - ева ли... едва ли к подобному финалу, к неисходному отчаянию - устремлён сонетный идеал, мыслимая высота полёта, отточенное остриё сонетной формы и её содержания. К Троическому Богу возводит замысел сонетной структуры и отнюдь не к напрасному упражнению в соответствии искусственным изнуряющим нормам сложения стиха, не к безцельному титанизму возделывания формы словесной, как формы скульптурной... архитектурной... живописной... Не к пустому и бесплодному созерцанию совершенно отточенных и блестящих граней стиха... не к звонкому, пусть бы и благозвучному сотрясанию воздушных – это слово, воплощённое в высокий стиль сонетной формы. К чему же тогда...

Не - молитва ли, собеседование с Богом – в истинном, высоком... и единственном - назначении сонета, собеседование с Творцом на символическом и структурированном языке человеческой поэзии. Молитва, не допускающая лжи, пусто... бренно... и

многословия, не терпящая мути и мысленного лукавствия, неопределённости и изворотливости суждений, горделивости, самонадеянности и сомнения в словесном самовыражении человека... невозможная к нарушению кристаллизованного молитвенно-сонетного канона. Молитва в облики сонета – как выявление человеком себя перед Творцом, как предъявление себя Первообразу. Сонет вполне может содержать в себе образ любви земной, но исключительно, как любви, прообразующей Любовь Бога... любовь Богу ко всем Его являемым проявлениям... любовь к женщине, но исключительно и только – как прообраз Любви Небесной, как малая форма перепевания, воспроизведения, восполнения личным опытом - Песни Песней, как продолженность в поющем ныне - мистической поэзии Андалусии, несущей собою воспевание Бога, видимого в образах женственной желанной красоты красоты... и не иначе... и никак не ниже того. Бог может и хочет быть воспет человеком во всех Его проявлениях, пусть и в образах, единственно доступных человеку... пусть в чувственных по-человечески... антропоморфных символах, неизбежно униженных относительно Божественного естества, принижённых к естеству человеческому, земному. Вспомним вновь, как представляется - кстати, - о сюжете Преображения Христова, как он изложен у евангелиста Марка: «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (Мк 9:3). Невместимый, непередаваемый в ощущениях, необъяснимый – Нетварный свет Богоявления описан вполне в категориях приемлемых к восприятию человека, - как снег, что можно и увидеть и ощутить... как выбеленная ткань, которую можно потрогать рукой. Бог – должен быть воспет, - и к этому должно быть устремлено человеческое естество в сонетной форме своей признательной выразительности, в сонете, как способе достойного выявления, раскрытия себя перед Творцом. И вот, сонет – принимается нами, как поэтическое проявление образа Божьего в человеке, устремлённом к своему личному Первообразу... как средство к само-очищению человека... - исцели себя сам... - и коли невозможно сие – то как способ благочестивого и смиренного предъявления своего болезненного естества, жаждущего таинства и Бога в нём, - предъявления себя Творцу. К этому – принимаем и возвеличиваем теперь сонет. К этому – воспитующая, смиряющая, точно вериги, - жёсткая, неудобноносимая и очистительная – великолепная - форма. Тяжкая, истребляющая косность поэзии, истончающая преклонённое к Богу мастерство... форма, калечащая неуёмно свободного скакуна поэзии – достаточно злобного и немилосердного внутри... Этакая эманация весьма злобного начала – этот белый по видимости, - не бледный ли? - и крылатый конь в нас, - не готов ли он совсем разорвать нас, соблазнить и удовлетворить нас некоей пустотой... Против этого – восстаёт сонет. Нет, не оскоряет он вольного скакуна поэзии, не обламывает крылья "пегасу", - отнюдь, не подковывает его непереносимыми земными тяготами, мешающими лететь... Но – предъявляет нам спасительные правила, как правило к управлению нашей необузданной в погибель самости. Не должно всем – писать иконы... не должно всем – одновременно и наперебой воспевать хвалы Господу в храме Его... не должно всем – сочинять молитвы к общему их употреблению... не должно всем – сочинять сонеты, как плод сугубо личностного словесного выражения в предстоянии Творцу... Но живопись, не содержащая в себе образования, почитания Первообраза в образе, не устремлённая к Первообразу – устремлена по сути в ничто и пустотна. Как ничтожно и пошло слово, удовлетворяющееся самим собой, не жаждущее напитывания от Бога Слова. Музыка, звучащая для самой себя или к удовлетворению низкой потребности, вовлекая за собой, - легко, слишком легко - может погубить влекомого. Так, увы, не спасителен и сонет сам по

себе, как не спасительна никакая форма, даже и форма нашего благочестия. Более того, преступно, пагубно фарисейское упование на спасительность форм и чистых последований за каноном образного выражения. Спасает единственно – Бог. А нам – лишь устремляться к Нему и жаждать спасения по мере сил и дарованных Им дарований или помышлений об этих дарах.

Дивным и прекрасным изобретением человека или даром ему к Богоустремлению – почитаем сонет. Малая форма – на одно дыхание, на один вдох и выдох, на миг один. Дивная поэтическая структура на один общий взгляд, способный охватить целое... Филигранная внутренняя размеренность и звучная закономерность – к приятному и облегченному осознанию, радостному восприятию и усвоению мысли, поэтического образа и символа. Удобная и выверенная, ограничивающая словесный произвол и дурное многословие – умозрительная конструкция к законченному формированию двухчастной мысли: восходящей от земли - и устремляющейся к Небу. Чем более шлифуем его чистоту... либо определяем себя его требовательностью, - тем яснее выявляемый кристалл сонета. Тяжкие труды... - быть может не продолжительные, - в дерзновении следовать этой требовательной и обязывающей форме. Но отвлечься, утрудившись, посмотришь со стороны, - блестят и радуют выверенные, вычищенные, возделанные формой грани сонета,-отнюдь не к тому, чтобы ты удовольствовался самим этим блеском, не к тому, чтобы ты привлёк этим поблёскиванием кого-либо... не к тому, чтобы ты отвлек ими хоть бы и самого себя – от Христа... к чему же тогда... - ужели к личной удовлетворённости содеянным – с подсакиванием и возглашениями «ай-да сукин сын...» надо же – написал и – блестит плод на твой взгляд, – сияет... - едва ли - так. Пишем и усиливаемся следовать форме, обуздывая душу, воспитываем, возделываем внутренний поэтический лад и потенциал, дарованный нашей ветхости, отмеренный нам, ищущий свободного выхода, смиряем - умериваем дыхание, даём ему и право, и место существования, открываем возможность себя проявить, выявить, выразить, вычистив слово... и вычистив, и осенив словом себя, не умертвить высказываясь, выдыхая... до издыхания перед Господом... И не повредить, по возможности, не изувечить как самого себя, так и слушающего, принимающего со вниманием к слову, выраженному тобой.

Сложно воспринимать свой текст совсем уж извне, делать вид, будто не имеешь к нему отношения, если выдохнул и написал его сам – ты. Сложно быть безразличным и почти невозможно быть непристрастным, объективным к нему... да и нужно ли. Но, вкушая чистый сонет, не повреждённый в схватке его рождения... высвобожденный от сора безобразия и несоответствий, - понимаешь и радуешься пище чистой, беспримесной, неложной. Радуешься слову, поскольку оно даровано и преподнесено тебе, поскольку оно преподано тебе, передано к умножению, к осмыслению, к жизни - длящейся. Живо слово поскольку и пока воспринимается оно и обретает живой отклик... пока проявляется оно текстом, звуком, молитвой, пусть даже и потаённой в груди. Живо слово и отображает собою Слово – Логос, выявляет собою логосность тварного мира... не менее того...
НО! Вновь - змеёю шипит сомнительной: нужна ли сама по себе

столь жёсткая внешняя структура к облачению, выявлению слова,
не является ли она умозрительной ложью искусственным,
напрасным и лишним плодом мертвящей обманкой
человеческой прихоти, самомнения и гордости
самонадеянной бессмысленной игры в бисер
мыльными пузырями, пустой забавой Кая

в безжизненном царстве вне Любви
обречённом на сослагание слова
«Вечность» без Цели живой,
Пустой изощрённой
оболочки без
Сущего
в ней
Бога

+

... таковы множащиеся нескончаемые сомнения, - отринем их, не отрицая, не отгораживаясь теперь...

Нужна ли эта внешняя структура слову, - не нам судить о необходимости, - нам лишь радоваться – радостью при встрече с чистотою словесного вместилища и драгоценного слова, искрящего в удивительной форме... радоваться удовлетворению, если эта искрящая чистота – как либо замечена и приближена к нам, как либо приближены и мы сами в своих словлаторствующих усилиях... даже если только обнадёжены мы достижимостью этой чистоты слова - радуемся несказанно... Радоваться самой возможности – прильнуть к этой чистоте, к этой форме, - как радуется человек, лишённый свободы, самопроизвольно вручивший себя благодатному тайноводительству. Вспомним же, как тут не вспомнить, о вручении своей воли – в монашеском обете. Едва ли вполне уместно это воспоминание, одерживаемое евангельским преостережением к слепым поводырям слепых... но – вспомним, доверчивые к явленной в слове красоте... видимой нами таковою. Вспомним о спасительности самоограничений, как пути, - в обетах брака, в обетах вступающего в служение Отечеству, - обетах, полагающих высокую цель и непременною радость в её достижении, даже и в самом следовании к цели путём принятого обетования. Конечно же, мы не уподобим использование сонетной формы... шире – свода сонетных правил... ещё шире, - не уподобим следования личной поэзии в русле сонетного кодекса и определенного формой мировидения и отражения - не уподобим вполне взятию на себя обещания, некоего обетования перед произносимым словом. Но воспримем принимаемые на себя правила, как форму, приподнесённую, преподанную нам к уяснению и бережному, деликатному, осторожному, уважительному, благоговейному и благочестивому развитию. Бережному – осознанию и к передаче своего слова с помощью этой формы. Можем ли мы предложить иное достойное вместилище своему слову, вместилище, изведённое из себя самого, созданное нами... едва ли. Может ли быть ныне, лично для меня, более желанным и естественным вместилищем к выдыхаемому слову, чем сонет... чем открывающаяся теперь возможность к словотворению внутри этой дивной, быть может, Богоданной поэтической формы. Пробуем и далее существовать в ней, проскребаясь к Первообразу своему – через управляемое каноном поэтическое вместилище слову. Да не оставим же в этом делании – молитвенного воздыхания... да не подменим же этим деланием таинства приобщения к Слову – единого на потребу устремления ко Христу, во славу Его.

... сонет – как молитва, но уместно ли «как» в этом утверждении, всяческое сомнение в молитвенном содержании сонета выхолащивает его суть, извлекает его

становой стержень. Сонет – способ и форма нашего говорения, - выговаривания живым дыханием - слова перед Богом – лишь перед Ним одним, лишь для Него – способ и средство человеку для выявления себя словесного, ословесненного перед Богом Словом. Говорение для Бога, быть может, единственного непредвзятого, нелицемерного, пристального и истинно заинтересованного Слушателя – Восприемника нашего выражения, нашей сложноизъявительной словесности, утопающей и тонущей в пучине ложно видимой красоты. Отнюдь не к самовыражению, как самоцели, не к самоудовлетворению, не к угождению некоему внешнему и взыскательному, изоощрённому человеческому вкусу, придирчивому человеческому самомнительному разумению, искусственной конструкции – сонет... как не к человеку - обращённость нашего поэтического дыхания... как и устремлённость устремлённость нашей жизни пред Господом - не к человеку... впрочем, как и не прочь от человека. Выговаривание образа – слова, сущего в человеке – к Первообразу своей речи, слова человеческого – к Слову Божественному, к личному Богу – Слову, ко Христу, - такова и не ниже – задача, цель и смысл сонета, вмещающего нашу речь и словесное дыхание в гранитные берега форм, столь отличные от обычного, обыденного словесного течения, создающие обличия слову, подобающие цели и задачи заданной и воспринятой. Человек слушающий или читающий сонет становится как бы свидетелем собеседования поэта с Творцом, свидетелем и совосприемником формы молитвенной, человеческой речи, устроенной по особенному человеческому закону и обращённой исключительно к Творцу – к Первообразу всяческого слова.

Сонет – как речь гармонизированная, проистекающая из словесности обустроенной и выверенной, возделанной и воспринятой традицией... из обустроенного духовно – душевного внутреннего лада в человеке – устремлённого к образу безусловной гармонии, к Самому Творцу.

Молитвенные писания и тексты святых отцов так часто отточены и выверены художественно, являют собою лучшие образцы словоизъявительных форм речи, - в этих формах предьявленных Богу. Не для прочтения перед слушателями, не для прочтения человеком самому себе – слагалась молитва, даже и записанная текстом, - но отвечающая истинствующему человеческому естеству в предстоянии Богу – соборным опытом церкви принимался составленный текст, как возможный к общему употреблению, частному прочтению сопряжённых и выеренных, сопоставленных слов молитвы. Не заменит сонет молитвенного правила перед причащением Святых Христовых Таин... но, являясь частным делом – диалогом человека и Первообраза, диалогом, в котором внятно распознаётся голос одной лишь стороны, человеческой, - безусловно способно сонетное изъяснение и словотворчество – уяснить, улеять, воссоединить ключья человеческого естества, разодранного страстями, умягчить красотой и проникновенностью сочинённого в стих слова - ободрить к исцелению озлобленное и злобствующее сердце, навывшее во злобе своей. Не для похваления, повторимся, не для самоудовлетворения, не для стяжания какой-либо заслуги, либо отклика от человеков – сонет, но к самоприготовлению, к предьявлению нелицемерно-настоящего своего естества – Творцу... только Ему. Все прочие, ближние и удалённые теперь, – лишь свидетели - посторонние. Затвориться в келье молящегося научает Господь, утаить личный лепет... отнюдь не возделывать красоты молитвенного лепетания, воздыхания... - и тогда сонет и поэтический выдох – будто бы излишни. Не учит Спаситель слагать стихов... выстраивать храмов... Но человек – сам облакает свои действия в красоту, преподнося их Богу, преподнося себя в

своих делах, ничуть не оправдывающих, - Судии, на суд – Его. И Сам Бог, являя Себя Красотой – через наши деяния, не оправдывает нас в них, только в них, не смотрит ли Сердцеведец в исчерпанные словом сердечные глубины после того, как слово уже изошло из их внезапной наполненности... Изошёл сонет – и Бог взирает в глубину, в то, что осталось после этого исхода, не вникая в изошедший текст, но вникая в самих насЮ - вглядывается в истинное вне личин - обличие, в потаённую утробу души.

Ужели сонет, - продолжим эту мысль, - замена или подмена художественным словом Иисусовой молитвы, - рассудим, казалось бы, парадоксально о вещах чудовищно несообразных, несопоставимых вообще. Иисусова молитва – почти безсловесное слово, минимизированное в изъяснительных средствах до возможного сжатия, до предельно малой формы и предельно - содержательной величины, которые объемяют, вмещают собою всё человеческое естество, все смыслы человеческого существования. Именование Бога при изъясненной перед Ним греховности человеческого естества – в восьми только словах – на единый вдох и выдох... вдыхаемое Имя Господнее... изъясняемое воплем о милости, об исцелении, об о-Божении - об уделении Богом – Себя – свидетельство личного греха. В молитве сопоставлены, противопоставлены сопряжены Имя Господа – и личный вопль о милости к изъясненному греху. Вникает – вдыхаемое ословесненное Имя, истекает – грех, вопиющий об исцелении... В человеческом сердце, в совершенно потаённой тишине – соприкасаются эти движения мысленных и живых устремлений живого человеческого естества и Бога Живущего. Вернее бы сказать – уготавливается, вычищается место встречи, образуется течение жизни в человеке, где этой встрече вообще может найтись место, жизнь сообразуется с чаемым и не принуждаемым Богом... Бог Живой – и человеческий грех мертвящий... - вот и всё, что следовало бы изъяснить человеку в слове, дарованном именно, быть может, что - только для этого... для этого – прежде всего прочего. Личное достоинство – перед именем Бога, перед Богом Словом Живым... личную жажду, стремление к восприятию Христа, томление в болезни, тоску об исцелении... личную откровенность перед Его Именем... чашу своего сердца, уготавливаемую к восприятию Бога – Слова... некую сердечную сокровенную келью ко вселению в неё Христа, отворённое и уготовленное внутреннее пространство в человеке. Вот – суть молитвы всяческой и молитвы Иисусовой... как мы в состоянии, отстранённо, понимать её... неправомочно – извне - судить о ней. Сколь многословно, однако, растёкся внешними, немощными своими - ертенными и мертвящими суждениями об этих восьми словах молитвы - живой... не во мне...

Но сравнимо ли с молитвой назначение сонета... - вновь осечём себя в дерзновенных не по разуму, не по опыту – суждениях. И выскажемся о молитвенной значимости слова, облачённого в сонет, слова, быть может, более снисходительного к человеческой немощи в потребности выразить перед Богом, изъяснить – себя. От полноты сердечной – глаголют уста, - но да не будет это глаголение многословным, беспорядочным истечением, подобным нашему рассуждению вместо делания, вместо возделывания молитвы – суждениями о ней. В предстоянии Творцу – Сердцеведцу да не будет говорение наше, произнесение нами слов, - несообразным, не гармоничным, злокозненным, какофоничным – зловучающим. Всяческое зловучие – не сообразно Богу Слову, - понимаем так. Но из этого не следует, что обращаться к Богу возможно лишь на языке поэзии, в форме рафинированного сонета. Всяческое фонтанирование слов, жонглирование неуёмными образами – возможно, столь же удаляет от Христа, столь же противно Богу, как и отъявленный грех... поскольку замыкает человека на самоом себе,

удовлетворяет самим собою, отъединяет от Бога в красивое - краснословное словоистечение в страну далече... совсем не призвано к приуготовлению кельи таинственной личной встречи с Творцом. Разомкнуть эту само замкнутость, истончить это самодовольство и самодостаточность – позволяет эта предложенная, переданная и воспринятая, и преподанная - выверенная чеканная форма для наших слов, не устремляющая к самой себе, но принятая к словесному выражению перед Богом. Призванная и принятая форма для содержания слова, избытствующего в ёмкости сердечной... изымаем из груди, изводим слово из ёмкости сердца - и вкладываем его в сонетную форму, - от полноты сердца – глаголем устами, - и да не будет это глаголение несообразно Слову. Сонет – Божий образ, отражённый в человеческой речи, - помыслим о нём так – и не приступим без благоговения. Положил ли Сам Господь это правило к изъяснению перед Собою. Правило, образец, произнесённый Христом – есть молитва Господняя к Богу Отцу – «Отче наш»... и не сказано, что изъясняться ею надлежит нам в форме сонета... Каждое слово Господней молитве – на своём месте, достаточно определёнno, полноценно, - и не нуждается в некоем дополнительном оформлении красотой и внешней строгостью. Так отчего же – тянемся мы к столь усложнённо причудливой и аскетично – требовательной словесной форме... почему именно она... почему – сонет... не станем доискиваться ответов, уповая в апологии сонету – лишь на свой личный вкус, на субъективный опыт внутренней отзывчивости к этой поэтической форме, - не позволяет она, - лично мне не позволяет - раствориться во многословии, не даёт выплеснуться на волю неумным фантазиям и необузданной образности, не даёт бесформенности - преодолеть и разрушить формы, выверенной к лаконичному вмещению и передаче поэтического дыхания и смысла. Вместе с тем, - вновь лишь субъективно так ощущаю, - сонет не довлеет неодолимо, непереносимо... не позволяет и форме окончательно удушить поэтическое дыхание, угасить поэтическую мысль. Можно говорить о замечательно найденном, обрётённом или же дарованном в сонете - эталоне баланса поэтических ограничений и свободы . В соблюдении этого баланса – сонет вспыхивает, искрится красотой, не красуясь и не удовлетворяясь ею, не настаивает на красоте, не утверждает её, но – являет, содержит в себе, как факт своего существования. В нарушении этого баланса, разрушится гармония... не состоится поэтический взрыв – обжигающая вспышка от столь малой формы. Вновь и вновь повторимся: сонет исследуя и наследуя совершенство поэтических структур – совсем не довольствуется ими, не удовлетворяется совершенством, сама красота – сопутствует совершенству и не является целью сонета, который устремлён исключительно к Первоистоку красоты, к Самой Красоте, - к Богу... Более того, не имея этого устремления, - дозволим себе вновь высказаться так: сонет перестает быть сонетом, превращаясь даже и в соблюдении формального «качества» стихосложения - в ладно скроенную пустышку.

Сонет не позволяет смыслу разрушить или как-то потревожить текучую гармонию звучащей поэтической речи, требует избежать диссонансов, не нарушая текучего смысла... сонет обязывает и позволяет впустить и уместить смысл и звук поэтической образности – в структуру ритмической основы, плотно сконструированной и выверенной. И эта многогранная, многооставная, быть может искусственная... но уже ли избытствующая красота – принимается, как эталон состоятельности сонетной формы. Будет ли формальное соответствие этой форме достаточным само по себе... требует ли форма сонета внутреннего развития? Представляется, что ни то, ни другое не верно. Форма недостаточна сама по себе, но она не требует развития.

Уподобим структуру сонета архитектуре. Слишком натянуто отдалённо это уподобление, и едва ли может претендовать на полноценность и достаточность... а всё же - уподобим. Гармоничен и чрезвычайно разнообразен возможный вид устройства пространства совершающейся литургии... Господь не заповедовал ничего на счёт того, как нам следует отыскивать формы и обустраивать Богослужбное пространство... Господь оставляет нашу свободу – свободной, наше творчество – производительным, продуктивным к распознаванию и устройению образа, в том числе и прежде всего – образа литургического. Храм зального типа, базиликальный, центрический ли, крестово-купольный... и множественны отличия, различия в устройении основных типов, несчётны смещения стилей, типов, архитектурные вариации и взаимнопроникновенные стилизации, но - каждый храм уникален и не схож с иным, каждый – плод литургического образотворения человека. Возникает дерзновенный готический стиль, взрывным всплеском преобразующий стиль романский... или же новоявлен он неведь откуда, - эти шпили, многочисленные подробности малых форм и удивительных ажурных конструкций, проникновенно устремлённых в небо. Уже не имеет эта филигранная вязь форм чистого, простого, объемлющего образа внутри себя и во внешнем облики. Бесконечно дробятся, умножаются внешние изыски, узорочья архитектурных вариаций на литургическую тему. И по мере умножения и возрастания этих малых и крупных затей – выхолащивается внутренне содержание формы. Рас-Христывается церковь, и человек в церкви, - словно бы высвобождается от Христа, утверждаясь и оправдываясь разнообразием видимо обустроенных структур в объёме храмового пространства. Лишь во глубине Таинства литургии – Бог, – вникающий в человека, отпадающего всё более и свидетельствующий об отпадении внешним великолепием вокруг разрастающейся опустошённости...

Не таков сонетный стой, содержащий поэтическое слово, консервативно удерживающий, охраняющий свой самодостаточный, концентрированный и требовательный минимализм формы от какого-то внешнего разрастания, изменения, усовершенствования... он похож на простую форму традиционного храма, выверенной и намоленной структуры: скажем, четырехстолпного, крестово-купольного, о пяти главах и четырёх столпах, при одной или трёх апсидах... и несть числа возможностям, принципиально не трансформируя его лаконичной формы всё новыми внешними изысканиями, не обезображивая его совершенства в угоду буйно цветущей самостоятельной от литургии архитектуре, не усложняя внешнего обликия, - использовать неисчерпаемые возможности к развитию внутреннего архитектурного, многосоставного художественного лада, выявляя всё более глубинные нюансы пространственного образа, суть которого не образ сам по себе, но Первообраз – Бог, литургия в общем сослужении, - священнодействие в котором Бог пресуществляет и преподаёт Себя таинственно, вне зависимости от вычурности, от внешних красотостей, от совершенства образных и художественных форм, вместивших литургию. И впору понимать так, что литургическая адекватность архитектоники образа не связана... по крайней мере, не зависима от внешнего устройства, от видимого нами совершенства и изысканности, не вполне обусловлена и сопряжена с красотой внешнего устройства, не подчинена соответствиям изменчивому человеческому вкусу. Бог – внутри таинства в чистоте литургического священнодействия. Приблизим ли сонетную форму к этому сравнению... Форма сонета, не нуждающаяся во внешних изменениях, трансформациях, в постоянном подстраивании под ветренный «цайтгайт»... как не нуждается в том литургия, несущая в себе

неизменного нам Христа. Форма, содержащая живущую в ней красоту, вполне довольствующаяся внутренним биением жизни в этой красоте живущей... не нуждается в изменениях, ибо неизменна и неисчерпаема живущая в этой форме жизнь. Форма плотно сдерживает себя от ей внутренне чуждого – поэтико-обновленческого устремления к саморазрушению, самоликвидации в чрезмерности, необузданности в неблагоговейном новаторстве над ней. Так, форма храма удерживает собой литургию и в самодостаточной архитектурной само-бытности – отделяется от литургии в самобытие формы, в доминирование искусства над таинством, увлекая себя и нас в непричастность к литургии... в произведение искусства вне Христа. Форма сонета – удерживает и украшает, формирует собою личное словесное обращение ко Творцу. Форма Богослужебного канона, форма акафиста, молитвенного гимна, покаянного взывания... и форма сонетной последовательности стихов. Не может быть сонет, произвольно налитанный Богословской поэтикой, ни сопоставлен, ни противопоставлен составлен молитвенному гимнографическому канону, имеющему выверенное число песней, ирмосов, кондаков, возглашений в общем молитвенном церковном прочтении, стихир, внутри каждой части Богослужебной структуры. Выверенная форма молитвенного гимна удерживает необходимую достаточность словесной структуры гимна, славящего Бога... структуры устремлённой во Славу Господнюю, опытно взаимодействующей со Славой, словесной обще-молитвенной структуры, управляющей человека и молящуюся церковь, направляющей человеческое сердце ко Христу... И всё же - уподобим ли сонет Богослужебному канону. Позволим же вновь себе некое обобщение сказанному... Отличны от гимна и цель и задача сонета, как и обыкновение в его употреблении, – и сложно представить себе прочтение сонета, даже и в самом неприкровенно - молитвенном изводе - за Богослужением, либо в частной келейной молитве... но вполне, как представляется, возможно – принять для себя сонет, как форму проявления ели не молитвы непрерывной, то концентрированного поэтико-молитвенного выражения сердечной наполненности ко Христу, форму, гармонизирующую душевное устройство и словесность в человеке, - словесность, ословесненность, как несомненный и неоценимый Божий дар... форму, выверяющую и вычищающую, возвышающую эту словесность из падения... из отпадения от Бога, исцеляющую из катастрофического разрушения, энтропии... растраты дарованного дара слова... как форму, оберегающую и отвращающую от пренебрежения даром, от глумления над ним. Верим и понимаем, чувствуем так: и ныне – есть место в нашей словесности, место пустующее и столь естественное к восполнению, - место неповреждённому сонету, словно бы некоему камертону, выверяющему словесность, задающему цель и утверждающему назначение нашего слова никак не ниже цели и назначения в Богообщении... в изъявлении человеком себя перед Творцом, в предъявлении себя Богу без приукрашения, на языке достойном Вопрошающего и Вслушивающегося в нас. Сонет перестаёт быть собственно сонетом, оставаясь лишь четырнадцатистишием, пусть и безупречным по форме... - если ставит собою какие-либо иные цели и задачи, - полагаем так.

Пусть Лаура и ли Биче – видимый предмет обращённости текста – слова, облачённого в эту форму... Лаура – образ девушки, женщины, - предмета человеческой любви и поэтического вздыхания – есть только символ в поэзии, открывающий Бога. Через создание этого символа, через видимое и кажущееся обожествление Лауры женщины, через произносимый символ – устремляет своё слово автор к Первообразу, возвышает, возносит, преподносит своё слово – к Богу... и никак не иначе. И, как нам

знать... - не этого ли очищающего, искренне вспыхнувшего изошедшего слова, раскрывающего Богу врата нашего сокровенного естества, ищет Господь, возгласивший: "сыне, дай Мне сердце твое...". Повторимся же... повторимся внауение самому себе: утратив Первообраз, как единственную цель и как способ изъяснения своей целеустремлённости, как средство утверждения словесности в своём целеполагании... - сонет перестаёт быть собою, даже и вполне соответствуя всем замысловатым и взыскательным требованиям сонетной формы. Продолжим же эту мысль, рассуждая несколько шире в меру своих сил, опыта и разумения... и сама поэзия, утратив, растратив устремление к Первообразу, утрачивает всякий смысл и цель, выхолщиваясь от Бога Слова... слово в нас не оправдывается ничем более, кроме Творца. И не будет оправдан человек поэзией, не оправдается ею никак, не сможет взять на себя никаких оправданий на нашем пути... пред Судиёю – оправдывающим нас Собою Христом, - Целью, Истиной и Жизнью.